

ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ СОЛНЦЕВ — ЯЗЫКОВЕД

Хорошо известно, что основные (многие) теоретические понятия и термины современной лингвистики были выдвинуты и разработаны на материале индоевропейских языков. Это вполне понятно: особое положение этих хорошо изученных языков заключается и в том, что относительно их организации и строения было предложено большее количество гипотез, и в том, что их описания отличались большой детализацией. Наконец, несомненно то, что языки с засвидетельствованными памятниками, разными по времени своего возникновения, позволяли с большей достоверностью восстанавливать ход их исторического развития и представить большее количество аргументов в пользу той или иной гипотезы. Все это создавало предпосылки широкой распространенности тех теоретических конструктов, которые родились на почве исследования индоевропейских языков. С этих позиций, как остроумно заметил В.М.Солнцев, «миссионерского подхода», — предпринимали анализ и других языков.

В историографии лингвистики хорошо известно также, что описанное выше положение дел нарушалось тогда, когда в распоряжение ученых поступали данные о новых экзотических языках и когда подобные данные носили широкомасштабный характер. Такой была ситуация, приведшая к столкновению традиционного языкознания (с его вниманием к латино-греческой модели описания языков) с зарождавшимся дескриптивизмом в Америке, когда ученые были поставлены перед необходимостью охарактеризовать и описать иные по своей структуре языки коренного населения Америки и когда в практику лингвистического анализа были внесены существенные изменения.

С аналогичной ситуацией столкнулись, собственно, и во второй половине XX в., когда с расширением политических и экономических связей между континентами, а также с появлением новых возможностей перемещения и передвижения из одной страны в другую на географической карте мира почти не осталось таких языков, которые бы не привлекли к себе внимания типологов. В орбиту стойкого интереса попали и языки Малой Азии, Китая.

Подобно тому, как редкие языки коренных жителей Америки и Австралии способствовали пересмотру целого ряда синтаксических теорий и введению новых синтаксических терминов, обращение к группе так называемых изолирующих языков вызывало необходимость пересмотреть основания грамматических (и прежде всего морфологических) концепций, имевших

широкое хождение в Европе, далее ввести все такие уточненные, видоизмененные или же просто новые категории в общую теорию языка, т.е. сделать их достоянием General Linguistics.

В книге В.М. Солнцева «Введение в теорию изолирующих языков» (М., 1995) продемонстрировано, как реализуются эти установки на практике при изучении других изолирующих языков, когда эти языки либо подгонялись под уже известные типы и им навязывались чуждые им категории, либо «экзотизировались», т.е. рассматривались как вообще не имеющие привычных для индоевропейских языков категорий (и когда вследствие этого их было трудно сравнивать с другими языками мира). Взамен этого в монографии предлагается попытка взглянуть на изолирующие языки с позиций общей лингвистики и рассмотреть возможность применения к ним ее кардинальных понятий в конкретизированном и уточненном виде.

Для решения этой задачи автор проводит детальный анализ понятий и терминов, образующих теоретические основания морфологии. По словам В.М. Солнцева, нельзя говорить о том, что в языке «больше или меньше синтаксиса», но «можно говорить о том, что в языке, больше или меньше морфологии» (с. 6). Следовательно, в фокусе внимания при изучении изолирующих языков должна быть морфология и процесс замены одних морфологических состояний другими.

Таким образом, в книге ставятся и решаются проблемы двоякого рода:

– с одной стороны, перед нами введение в исследование изолирующих языков и детальное описание их типологической специфики (в этой связи особенно тщательному анализу подвергается исходное для этих языков понятие изоляции, а также, естественно, сами единицы и грамматические категории, свойственные этим языкам):

– с другой стороны, перед нами своеобразное введение в общее языкознание, где всем необходимым для описания морфологической и синтаксической системы языка категориям даются определения, учитывающие специфику их существования и функционирования в изолирующих языках¹.

Нельзя не отметить, однако, что именно существование определенной (классической) модели описания с ее инвентарем определенных понятий сделало возможным описывать явления в редких языках, ориентируясь на особый эталон и, характеризуя специфику этих языков, сосредоточить внимание на *отклонениях* от модели и на тех реальных отличиях, которые наблюдаются именно по отношению к эталону явления. В современных терминах это можно было бы интерпретировать как наличие в языках мира таких категорий, которые строятся по принципу фамильного сходства и обладают

---

¹ В то же время, поскольку основополагающим для исследования изолирующих языков считается понятие связи слов (т.е. синтаксическое понятие), используемое для их частеречной идентификации, книга может быть охарактеризована как интерпретирующая морфологию через призму синтаксиса.

прототипической структурой и которые в силу этого обстоятельства демонстрируют в конкретных языках разные позиции на одной и той же шкале.

Впечатляющим итогом исследований в этой области является монография В.М. Солнцева «Введение в теорию изолирующих языков», обобщающая результаты описания более 17 языков Восточной и Юго-Восточной Азии. Исходя из мысли о том, что описывать изолирующие языки в современном их состоянии в рамках национальных традиций уже невозможно, В.М. Солнцев предлагает особый тип лингвистического описания, базирующийся на синтезе теоретических представлений, рожденных при анализе индоевропейских языков, и тех данных, которые отражают специфические свойства единиц разных уровней в изолирующих языках и которые позволяют внести важные коррективы и дополнения в указанные теоретические представления. Можно утверждать в этом случае, что сами эти общие представления, составляющие в лингвистике остов и основу грамматической характеристики языков, подвергаются в книге В.М. Солнцева ревизии и, обогащенные новыми сведениями, начинают служить демонстрации тех диапазонов варьирования, в рамках которого может существовать языковое явление или отдельная языковая категория (слово, морфема, предложение и т. п.). По сути дела оказывается, что отличительными чертами в изолирующих языках обладают не только главные системные единицы языка, но и вся сетка отношений между ними.

Степень противопоставленности единиц разного уровня тоже оказывается в изолирующих языках иной по сравнению с неизолирующими, и трудности четкого выделения отдельных единиц вполне объяснимы.

Размышления В.М. Солнцева о том общем, что наблюдается у формоизолирующих и у формосвязывающих языков (а два эти основных макротипа и обнаруживаются в языках мира), ведет его к пониманию единого человеческого языка, который, оставаясь всегда единым средством человеческого общения, обладает способностью варьироваться и реально проявлять себя в виде систем разных типов. Но сколько бы ни различались конкретные языки, нет языков без грамматики и грамматической упорядоченности: есть только разные формы ее проявления. Так, например, синтаксис может быть ориентирован на морфологически маркированные словоформы, а может — на формы, лишённые особых морфологических примет. В том и в другом случае, однако, формирование синтаксических связей зависело от частеречной принадлежности слова, и нет таких языков, в которых категория части речи отсутствовала бы.

Как пишет сам В.М. Солнцев, в центре его внимания оказывается единый объект — человеческий язык, рассматриваемый как бы с двух различных точек зрения: в книге «Язык как системно-структурное образование» (2-е изд., 1977) — с позиций исследователя изолирующих языков, а в книге «Введение в теорию изолирующих языков» язык, представленный группой

изолирующих языков, рассматривается с позиций общего языковеда, исследователя языка вообще. Этот двойкий подход позволил В.М.Солнцеву создать «стереоскопический эффект» и по-новому увидеть некоторые общетеоретические проблемы.

Так, большим новшеством является характеристика типологического параметра понятия «изоляция». Он оказывается теперь не рядоположенным с «агглютинацией» и «фузией» (В.М. Солнцев употребляет в последнем случае термин «флексия» — «флектирующие языки»), а характеристикой особого способа связи слов в предложении, т.е. относится к синтаксическим понятиям. Это положение В.М. хорошо гармонирует с выводами, полученными в теоретической лингвистике, согласно которым определяющими параметрами системы языка являются семантика и синтаксис, в то время как морфология есть лишь «техника».

Другой, чрезвычайно интересный вывод В.М.Солнцева связан с теорией частей речи. Лингвисты-теоретики (в частности, Копенгагенской школы структурализма) давно уже сформулировали вопрос: в чем необходимость существования вообще тех или иных классов в языке? Нельзя ли, хотя бы чисто гипотетически, представить себе язык, в котором не было бы классов, скажем, — язык с одним типом склонения (если это флективный язык), язык с одним типом спряжения глаголов, с одним классом глаголов (обобщенных по семантике) и т. п.

Вывод В.М.Солнцева гласит: «То, что мы называем по традиции “части речи” и что, по существу, означает классы слов с одинаковыми или по меньшей мере сходными грамматическими свойствами, действительно является обязательным атрибутом грамматической системы любого языка» — своего рода универсалией, такие классы («части речи») могут менять свои характеристики — функции, сочетаемость, морфологию, но их наличие как классов обязательно всегда (об этом, с отсылкой на работу *Н.В.Солнцева*, *В.М. Солнцев*. О роли порядка слов в китайском языке, см. «Введение в теорию изолирующих языков», с.218-219).

Последняя книга В.М. Солнцева, как, впрочем, и первая, полна таких тонких, но вместе с тем достаточно общих, теоретически важных положений.

* * *

В.М. Солнцева характеризуют обычно как выдающегося типолога и грамматиста. Хотелось бы подчеркнуть вместе с тем, что какие бы языковые явления он ни описывал и ни анализировал, ему свойственно глубокое понимание *семантики* языковых единиц, и не случайно в его объяснениях природы таких единиц, как слово, морфема, сложное слово, словосочетание и пр., всегда присутствует этот содержательный момент — столь необходимый для исследований в любой сфере лингвистики.

Из сказанного выше видно, что на протяжении долгой и напряженной жизни В.М. Солнцева в лингвистике и для лингвистики его влекли к себе и

вдохновляли три комплекса проблем: архитектоника языка, общаж для всех его частных разновидностей (система и структура), ее реализации в «типовых проектах» и, наконец, уникальные здания, выстроенные по индивидуальным чертежам. Иначе говоря, в поле зрения В.М. Солнцева входят: язык, вообще, языки-индивиды – китайский и вьетнамский в первую очередь – и языковые типы (изолирующие языки).

Любовь к конкретным языкам, их варьированию, их существованию в естественных условиях побуждает Вадима Михайловича постоянно совершать нелегкие экспедиции во Вьетнам, собирать редкий диалектальный материал, чтобы затем ввести его в лингвистический обиход и скоординировать с общей концепцией языка. Факты и теории не распались в исследовательской практике В.М. на «суверенные государства».

Исследовательская работа Вадима Михайловича неотделима от его деятельности как руководителя и организатора науки. В современном мире полифункциональность человека наносит губительный удар самой его личности. Сравнение человека с двуликим Янусом стало эвфемизмом – ибо человек теперь многолик. Меняя свои роли, маски и образы, следуя разным моделям поведения, совершая множество разнообразных поступков и деяний, участвуя в социальных и межличностных играх, человек утрачивает целостность, а характеризующие его высказывания – параметр истинности. В.М. Солнцева этот процесс не коснулся. Он наделен яркими индивидуальными чертами, множеством «особых примет», интересов и эстетических предпочтений – Вадим Михайлович любитель и знаток поэзии, у него, возможно, есть свои пристрастия, но он сохранил целостность, в основе которой лежит нетронутое исполнением официальных функций человеческое начало. Он понимает людей и им сострадает. Его поведение во всех сферах деятельности естественно и человечно. Неизменно соблюдая социальные конвенции, Вадим Михайлович в то же время не изменяет своей природе. Точно так же, как язык для В.М. Солнцева един во множественности, едина и сама личность Вадима Михайловича во множественности видов его деятельности.